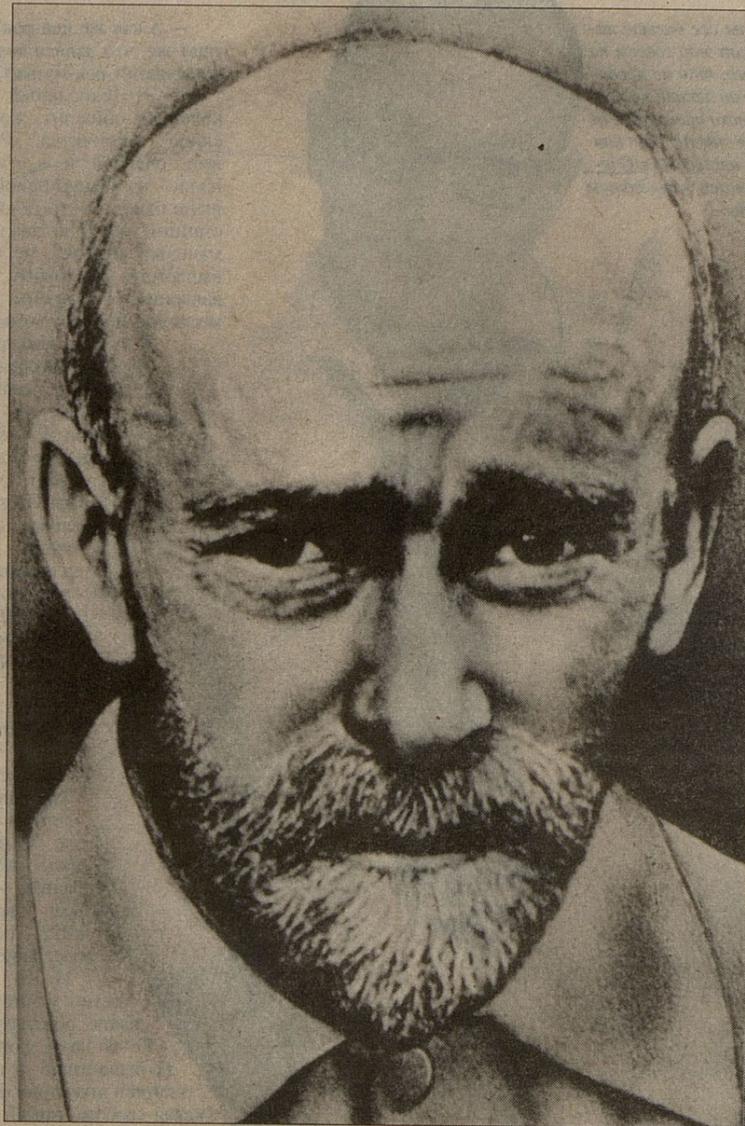

**Януш
КОРЧАК:**
«Каждый
может найти
пять минут,
чтобы
умереть»

В воспоминаниях о Варшавском гетто страшно читать не только многочисленные описания разнообразных смертей, в том числе детских. (Трупы умерших от голода и болезней выкладывали на тротуары перед дверьми и накрывали газетами.) Страшно читать описания ситуаций, в которых обыкновенные люди — ничуть не лучше и ничуть не хуже нас, сегодняшних, — должны были делать выбор. «Я видел там вещи страшные, ужасающие; самое тяжелое — разлучение детей с родителями. Например, отец двоих детей: шестилетнего и совсем маленького, грудного, мог спастись, но без детей. Жена его еще до этого отравила в Освенцимский лагерь. Он бросил их среди улицы и вошел в подворотню. Надо было слышать голос старшей девочки: «Папочка». Я не забуду его» (Антони Шимановский «Уничтожение Варшавского гетто», опубликовано в конце 1942 года).

Как ни странно это прозвучит, но в Варшавском гетто — на небольшом пространстве, куда было согнано полмиллиона евреев, обреченных на уничтожение, — у людей были разные возможности. Одна из них состояла в том, чтобы не верить в самое страшное: в гетто были равнины, которые убеждали соплеменников, что их не убьют, а переселят на Восток. Другая возможность состояла в том, чтобы практически найти себе место в новом мире, — в гетто

мыслях появляются черты черного кошмара. О детях он думал беспрерывно, причем не только наяву, но и во сне. Ему снились «мертвые тела маленьких детей». В самые страшные моменты он просыпался — и записывал с надеждой, в которую сам не верил: «Не является ли смерть таким пробуждением в момент, когда, казалось бы, уже нет выхода?».

Документально установлено, что Корчак мог выскользнуть из гигантской ловушки для евреев, устроенной немцами, — причем такую возможность имел неоднократно. Его ученик и соратник Игорь Неверли приходил к нему с пропуском на двоих и рассказывал, что уже приготовлены документы и снята квартира на Белянах. Корчак отказался, сказав: «Ты же знаешь, Залевского избили...». Залевский был старик-сторож, который решил переехать в гетто вместе с Домом Сирот и за это был избит немцами. В другой раз ему предложил спасение знакомый поляк Станислав Крупка. Корчак ответил, что ему «надо на деле подтвердить то, чему я был верен и что проповедовал в течение всей моей жизни, то есть верность ребенку...». Предложенный уйти из гетто, видимо, было так много и они так удручали Старого Доктора, что он в одной из бесед с человеком с «той» стороны поблагодарил его за то, что тот не предлагает ему спасения. Он видел в этом такт и понимание.

Когда Дому Сирот пришла очередь идти на Умшлагплатц, откуда происходила отправка в Трелинку, Корчак построил детей и возглавил шествие. Мы до сих пор не знаем — и никогда не узнаем, — что он говорил своим детям в этот день. С какими словами одевал самых маленьких, что говорил старшим? Сказал ли он им правду? Вся педагогика Старого Доктора — педагогика, сохранившаяся в его книгах, — построена на том, чтобы не врать ребенку и общаться с ним не как с низшим, а как с равным. Скорее всего, он не обманывал детей и в этот раз. Наверное, он поддерживал их не столько словами, сколько собственной уверенностью и спокойствием. Намек на такой образ поведения есть в его дневнике, состоящем из коротких, отрывочных записей, которые он делал поздно вечером, уложив детей спать. Писать длинно у него не было ни сил, ни настроения. В одном месте дневника читаем: «Говорю Ганне: — Доброе утро. Она отвечает удивленным взглядом. Прошу: — Ну улыбнись же! Бывают бледные, чахлые, чахоточные улыбки».

Марш Дома Сирот к вагонам в Трелинку проходил в полном порядке. По одним воспоминаниям Корчак вел за руки двоих детей, а по другим одного ребенка нес на руках, а другого вел за руку. Дети — их имен и фамилий не сохранилось, только те, что упомянул Корчак в своем дневнике, — шли рядами по четыре, шли спокойно, ни один не плакал. Это видело множество людей, часть из них остались живы и оставили воспоминания. Некоторые вспоминают, что колонна детей шла под зеленым флагом Дома Сирот — и комендант Умшлагплатца, привыкший к сценам ужаса и отчаяния, закричал в ослеплении: «Что это такое?». Есть свидетельства, что при погрузке в вагоны немцы предлагали Старому Доктору остаться в Варшаве и не ехать в Трелинку, — Старый Доктор отказался, но никто не сохранил слов его отказа. О них можно только гадать. Был ли он способен — этот пожилой человек с интеллигентным исхудавшим лицом, с бритой наголо головой, с оттопыренными ушами, в очках в простой проволочной оправе — сказать стоящим на перроне немецким офицерам что-то резкое и грубое? Вряд ли. Мягкая интонация всех его книг и грустная, лишенная ненависти интонация его последнего дневника заставляют предположить короткую вежливую фразу, которую он мог сказать в тот момент: «Благодарю вас, но это невозможно».

● Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

был Юденрат, созданный немцами, и он распределял работу и еду, а также очередь на уничтожение. Третья возможность состояла в том, чтобы радоваться, несмотря ни на что: есть воспоминания очевидцев, видевших, как хасиды шли на смерть с песнями и танцами. И наконец, можно было готовиться к безнадежному восстанию, собирая в подпольных мастерских мины и изучая подземные ходы сообщения.

В этом году исполнилось 60 лет со дня гибели Януша Корчака

Для директора Дома Сирот Януша Корчака ни один из этих путей не подходил. Хасидом он не был. Воевать Старый Доктор — близорукий человек, не способный никому сделать зло, — не мог. Иллюзий у него не было: Корчак знал, что его ждет. В дневнике Старого Доктора, найденном после войны в одном из зданий гетто (дневник был спрятан в стене, в тайнике), в записи от 21 июля 1942 года читаем: «Тяжелое это дело — родиться и научиться жить. Мне осталась куда легче задача — умереть... Хотелось бы умереть, сохраняя присутствие духа и в полном сознании». В другом месте дневника он записал чью-то фразу — кажется, в ней сквозит едва уловимый, саркастический юмор: «Каждый может найти пять минут, чтобы умереть».

Корчак был удивительный человек — странный и нелепый на взгляд многих взрослых. Некоторые считали его неудачником — да и сам он в гетто думал о своей жизни в скептических тонах. Журналы, где он писал, закрывались, его издатель разорился и застрелился. Он работал всю жизнь, его книги о детях публиковались в разных странах; но богатым он не был. У него многое не складывалось, в том числе личная жизнь. Он был старый холостяк, одинокий человек — и по закону ответственности к его одиночеству притягивалось другое одиночество, детское. Его Дом Сирот был не просто учебно-воспитательным учреждением, а местом жизни, которое он создавал вместе с детьми, но не только для них, а и для себя: придумывал правила, издавал газету, писал с детьми кодекс товарищеского суда, в котором, кстати, первые 99 статей оправдательные. А всего там была тысяча статей на все случаи жизни.

Со взрослыми, ведущими серьезные разговоры о политике и бизнесе, Корчак скучал. Зато с детьми ему быть нравилось — тут он ощущал себя своим. Бывало, он кого-то наказывал, а потом чувствовал себя виноватым и произносил перед ними речи, в которых оправдывался и просил себя понять. Его книги наполнены веселыми и грустными описаниями детей, их мыслей и чувств — такие описания невозможно сделать, если самому не быть ребенком. «В море рыбы, которые глотают людей. Эти рыбы больше корабля? А если она проглотит человека, человек задохнется; а если проглотит святого? А когда ни один корабль не разбился, что они едят?» — это говорит не Корчак, это звучат голоса его детей, живые голоса тех, с кем он пошел в газовую камеру.

В гетто проблемой для педагога и врача Корчака был не он сам и не его собственная близкая смерть, к которой он был готов, а дети, которых он лечил и кормил, добывая всеми способами картошку, дрожжи и крупу. Дети болели, у них были дизентерия, педикулез, истощение. Вопрос о смысле происходящего не мог не занимать этого интеллигентного, начитанного человека. Священник, который исповедует умирающего, понимает, что он делает. Врач, дающий обезболивающее человеку, обреченному умереть, тоже понимает смысл своих действий. Но что делает педагог, воспитывающий в детях доброту и любовь к жизни за месяц до того, как их душат газом в выложенной белым кафелем камере? Дети для Януша Корчака всегда были поводом для радости и любви (главная его книга так и называется — «Как любить ребенка»), но в гетто в его

Варшава, Хлодная улица, дом 33. Здесь размещался Дом Сирот. Фото сделано после войны

Корчак Януш

3.11.02